

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Личность игумена Успенского Волоколамского монастыря Иосифа (Санина), русского писателя рубежа XV–XVI в., давно привлекательна для интересующихся прошлым России [Лурье, 1988; Басова, Шевченко; Иосиф Волоцкий]. Бесспорно, в свое время он был одним из самых ярких и авторитетных представителей русского общества. Но и отойдя в мир иной, он сохранил свое влияние на людей. В лоне Русской Православной церкви его чтят по сей день как святого подвижника, преуподобившегося Христу в деле устройства монашеского пути к спасению. Да и за церковной оградой к нему с XIX в. устойчиво обращены взоры ученых и публицистов, стремящихся прояснить и оценить обстоятельства и особенности общественной, политической, культурной жизни москвитов в указанное время. Историки, филологи, философы, по-разному интерпретируя его биографию в целом, а также отдельные ее эпизоды, меняли и ракурс своих исследований. Святого Иосифа рассматривали и как богослова, и как писателя, и как церковного деятеля, и как политика, и как идеолога, и как хозяйственника. Широко также диапазон высказанных в его адрес оценок — то положительных, то отрицательных. Но критическое и претенциозное отношение к Иосифу, основанное, главным образом, на его противопоставлении преподобному Нилу Сорскому, а также на его резком неприятии современников, разделявших учение «жидовствующих», все же стало преобладающим в научных и публицистических трудах второй половины XIX — XX в. [Кириллин, с. 176–178; Винокуров]. Пожалуй, самое резкое высказывание на эту тему принадлежит Н. А. Бердяеву: «Иосиф Волоцкий и Нил Сорский являются символическими образами в истории русского христианства. Столкновение их связывают с монастырской собственностью. Иосиф Волоцкий был за собственность монастырей, Нил Сорский — за нестяжательство. Но различие их типов гораздо глубже. Иосиф Волоцкий представитель православия, обосновавшего и освящавшего Московское царство, православия государственного, потом ставшего императорским православием. Он сторонник христианства жестокого, почти садического, властолюбивого, защитник розыска и казни еретиков, враг всякой свободы (курсив мой. — В. К.). Нил Сорский сторонник более духовного, мистического понимания христианства, защитник свободы по понятиям того времени, он не связывал христианство с властью, был противник преследования и истязания еретиков. Нил Сорский — предшественник вольнолюбивого течения русской интеллигенции. Иосиф Волоцкий — роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства» [Бердяев, с. 10].

Разумеется, это крайняя и весьма субъективная идеологема, порожденная не столько интерпретацией сочинений преподобного Иосифа и фактов его биографии, сколько некогда витавшим в воздухе предубежденным и пристрастным мнением русской либеральной интеллигенции. Однако если допустимо использовать известные обстоятельства жизни святого, а также написанные им тексты с тем, чтобы найти изъяны в его личности, христианстве, аскетическом учении, взглядах на монашество и роль Церкви, то вполне допустимо и обратное, а именно стремление найти в его общественных и литературных трудах не только то, что представляется начетничеством, формализмом, законничеством, уходом от подлинной духовности, что вызывает чувство неприятия, но и то, что как раз привлекает в его личности и позиции, что указывает на живое и деятельное усвоение им заповедей Христа о человеке и обществе, на его ревностно пастырское и лично бескорыстное неравнодушие к миру, в котором он жил.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что прежде всего агиографические материалы отмечают постоянную словесную и деятельную заботу волоколамского игумена о простых людях. Согласно Житию Иосифа, написанному Анонимом, «**поселяне же много послабление имуще от господей сел их, поущением его**»¹, ибо он учил владельцев земли быть «**благими**» по отношению к крестьянам и ради собственной выгоды не отягчать их излишней работой, не доводить их до нищеты. Вместе с тем он и крестьян учил воздавать своим благодетелям должным образом: «**елико тишины и промышленности от них сподобляеми, толико благонравия и приательства сим въздаяти праведно есть**»². По утверждению Анонима, в такой обстановке доброжелательного взаимодействия многие владельцы, последовавшие советам преподобного, «**обогатеша**», а крестьяне («**тяжари**») «**стоги своя**

¹ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным / Подгот. К. И. Невоструев // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения (далее — ЧОЛДП). М., 1865. С. ЧИ (отдельная пагинация). Здесь и далее текст источников воспроизводится без сохранения особенностей древнерусской орфографии.

² Там же. С. ЧӨ.

участиша и умножиша жит себе»³. Но его пастырская забота о гармонии общественных отношений сопряжена была также с конкретным душепечением о людях, которые прибегали к нему в поиске духовного утешения: «беаше Иосиф во всей стране той, яко светило сияше»⁴. При этом известны и случаи его непосредственной борьбы просто за жизни людей, о чем красноречиво свидетельствует «Надгробное слово» ему, написанное Досифеем Топорковым: «Некогда же гладу бывшу не во едино лето, но во много время... отец же на всяк день питаше по 400 и 500 и вящше, и истоши все жито монастырское и сребреники, и одежда, и скот подаваше требующим и ничто же не остави. Иноцы же о том роптаху на отца. Он же послав въ ин монастырь занять жита и глаголаше к братии, еже на Бога полагати упование... Отец же непрестанно питая и подавая требующим и до кончины своея, а Бог паче умножаше. И на всяко лето в праздник безсмертнаго Успения Богоматере болши 1000 прихожаше нищих, ихже препитав с вечера и на праздник, и дав по сребреницы отпущаше и глаголаше ко учеником: «Аще и по моем отшествии тако творите, не имать оскудети ваш монастырь и до века»⁵.

Можно было бы списать указанные факты на литературную традицию и желание последователей и почитателей святого идеализировать его образ перед лицом народа. Но, как представляется, подобное умозаключение стало бы исторической спекуляцией. Дело в том, что соответствующие агиографические свидетельства отлично согласуются с собственными размышлениями и высказываниями Иосифа на тему недолжных и, напротив, правильных отношений в современном ему русском обществе. В этом плане особенно показательны послания подвижника — наименее из всех его сочинений изученные в плане их идейного содержания.

Так, согласно Посланию братии Рождество-Богородицкого Пафнутьева Боровского монастыря, преподобный принял предложение стать его игуменом, только лишь заручившись обещанием великого князя Ивана III Васильевича заботиться о «монастырских сиротах» (крестьянах). Но когда это обещание было забыто и оказалось, что из них «иные проданы, а иные биты, а иных в холопи емлют», и когда после личного и настоятельного ходатайства Иосифа выяснилось, что князь не хочет «жаловать» крестьян именно ввиду игуменства последнего, он оставил монастырь, не желая быть причиной жестокосердия одного и страданий других⁶.

В двух посланиях преподобного к некоему владетельному лицу, князю, содержится суждение о духовной ответственности господ за благонравие подчиненных им людей: «Занеже, господине, Божественное писание повелевает всякому человеку, любящему Христа, имети попечение о рабех, яко же о чадах и наказывати их всегда на благая дела, на Божий путь спасенный, иже есть сие: блуда не творити, прелюбодейства не деяти, не красти, не лгати, и всех злых дел ошаятися, и пещися душами их, еже поставити их чисты и непорочны пред Богом»⁷.

В послании к опять-таки безымянному вельможе о его рабах этот тезис, в сущности, повторяется, но повторяется уже в контексте прямого пастырского обличения и вместе с тем наставления по поводу необходимости милосердия по отношению к людям в силу их равенства перед Богом независимо от их положения: «Слух ми, господине, приходит про твое благородство, что бутьто деи немилосердие твое и нежалование велико к твоим рабом и сиротам домашним, теснота и скудость велика им телесных потреб, пищею и одежаю не токмо доволни, но и голодом таяют и наготою стражут. И сего ради аз грешный дръзнул тебе воспомянути, моему господину, помянув твою веру к пречистой Богородици, а к нам нищим великое жалование твое и любовь о Христе... но слышел есмь от божественных писаний, како повелевает не яко рави имети, но яко братию миловати, и питати и одевати доволно, и душами их пещися еже о спасении... И ты, господине, зри о сем, како божественное писание страшно претит и глаголет. Есть беда велика и страшна и мучение бесконечное, еже не пекутся, ни имеют печали о домашних своих сиротах, но токмо делом насмущающе и ранами казняще, одеяния же и пища не дающе и голодом моряще, а душами их не пекущиеся еже о спасении, но гордящиеся и желающие суетнаго и тщетнаго жития, прелести света сего, и не имея промыслена сицеваго, ниже воспоминаа,

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 9А.

⁵ Надгробное слово преподобному Иосифу ученика и сродника его инока Досифея Топоркова / Подгот. К. И. Невоструев // ЧОЛДП. М., 1865. С. РОЕ (отдельная пагинация).

⁶ Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 144 (Послание монахам Пафнутьева монастыря).

⁷ Там же. С. 149 (Второе послание князю о постригшемся «человеке»). Ср.: Там же. С. 148 (Первое послание князю о постригшемся «человеке»).

яко вси есми создание Господне, вси плоть едина, и вси миром едином помазани, и вси в рѹце Господни, его же хоцет обнищавает... И ты, господине, Бога ради повбегни себя, понеже, господине, и малое небрежение великим бедам ходатайствено бывает; колми паче боятнися подобает страшнаго оного Божественаго прещенна к немилостивым и немилосердым. И воспоминати всегда подобает Христову заповедь еѹгельскую, глаголюще сице: *“Якоже хоцете, да творят вам человеци, и вы им творите такоже благаа”*; и: *“Блажени милостивии, яко ти помиловани бѹдут”*. И се, господине, Бог на тебе свою милость показал, и госѹдарь тебя князь велики пожаловал. Ино и тебе, господине, подобает своя клеветы пожаловати, и милость к ним показати, и пищею и одеждою ѹдоволить, и инеми всякими нѹжными потребами ѹпокоити, и на благаа делеса заповеди Господня подобает ѹчити всегда. Да за то примешь милость от Господа Бога вседержителя в сем веще, и в бѹдѹщем царство бесконечное...»⁸.

Замечательно, что игумен Волоколамского Успенского монастыря в своих посланиях не ограничивался отвлеченными суждениями о необходимости благотворения, милосердия и нищелюбия. Случалось, он и прямо вступался за страждущих. Так, в послании к дмитровскому князю Юрию Ивановичу святой, приведя несколько примеров заботы византийских императоров о народе, настоятельно призывает князя помочь своим подвластным: *«Аще подобно тому и ты, госѹдарь, сътвориши в своем госѹдарстве, оживиши нищии и ѹбогнн человеки, занеж, госѹдарь, ѹже многнн ныне люди мрѹт гладом. А кроме тебя, госѹдаря, некому той беде пособити, а инем невозможно той беде пособити, аще не ты, госѹдарь, о том попечешися и ѹставиши цену своим госѹдарским велением в своем отечестве и оживиши люди бедныя, и за то примешь милость от Бога»*⁹.

Важно также подчеркнуть, что наряду с назиданиями Иосиф Волоцкий еще и действовал. В трудные для простых людей времена, например, в бедственные 1512–1515 г., он реально, всеми средствами своего монастыря, помогает им. Об этом подвижник пишет княгине Марии Голениной, устыжая ее за скупость пожертвований: *«Князь Борис Васильевич, да княгини Ѹлиана, да князь Иван Борисович... да того не считали, коли себя велели писати в годовое поминание, занеже ведомо им, что в нашем манастыре обычей: сколко Бог пошлет, столко и разандется. Надобе церковные вещи стронти, святыя иконы, и святыя сосѹды, и книги, и ризы, и братство кормити, и поити, и одевати, и обѹвати, и иные всякии нѹжи исполняти, и нищим и странным и мимоходящим давати и кормити. А расходится на всякой год по полутора ста рѹблев деньгами, а иногда боле, да хлеба по три тысячи четвертей на год расходится, занеж на всяк день в трапезе едят иногда шестьсот, а иногда семьсот дѹш, ино коли его Бог пошлет, тогды ся и разоидет...»*¹⁰.

Разумеется, свои взгляды о необходимости участливого внимания к ближним со стороны тех, кто имеет богатство и силу, преподобный Иосиф прямо выводил из Библии и святоотеческой мысли: *«Божественное писание повелевает... госѹдарем великим, самодрѹжцем земьским большѹю великѹю заповедь еѹгельскую хранити, сице глаголющю: “Бѹдете щедри, якоже Отец ваш небесный щедр есть”*; и: *“Аще отпѹстите человеком съгрешения их, отпѹстит вам Отец ваш небесный съгрешения ваша, аще ли же не отпѹщаете человеком съгрешения их, ни Отец ваш небесный не отпѹстит вам съгрешений ваших”*; и: *“Якоже хоцете, да творят вам человеци, тако и вы творите им”*; и: *“Какова хоцете Бога к себе имети, такови бѹдете к подручником своим”*. И паки глаголет: *“Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим”*; и: *“Немилостив сѹд не сътворившим милости”*; и: *“Блажени милостивы, яко ти помиловани бѹдут”*. Снн ѹбо заповеди преж всех сѹщих, иже в велице области истезани бѹдут. Сего ради и Давид, пророк же и царь, с врагы ѹбо борясь, единоплеменных же милости сподобляше. И поистинне: Иже великѹю власть прием, Дателью области должен есть по силе подобитися! Ничим же так мощно Богу подобитися, якоже милостию. Глаголет бо божественый Златаѹст: *“Князи и властели, милование, и застѹпление, и правду покажите на нищих людех... бывайте брат братѹ блази, милосерди, кротци и смирени, и сѹщим иже под вами милостиви и человеколюбиви!”*¹¹.

Есть, наконец, основания полагать, что размышления волоколамского игумена о человеческом отношении властителей к подвластным и соответствующие им его личные поступки опирались не

⁸ Там же. С. 152–153 (Послание некоему вельможе о его рабах).

⁹ Там же. С. 236 (Второе послание князю Юрию Ивановичу).

¹⁰ Там же. С. 182 (Послание княгине Голениной).

¹¹ Там же. С. 232–234 (Первое послание князю Юрию Ивановичу).

только на Священное Писание и учение Церкви. Вероятно, и по своей натуре он был расположен к самопожертвованию и добру, хотя чистоту веры и интересы Церкви отстаивал, как известно, весьма жестко и был действительно крайне суров, например, к еретикам «жидовствующим» как к ниспровергателям вековых христианских устоев общества.

На личную жертвенность и мягкость святого указывает, в частности, исполнение им своего сыновнего долга. Так, он, будучи еще простым насельником Пафнутьева Боровского монастыря, поселил у себя в келье больного отца и, как сообщает Савва Черный, до самой его кончины заботливо ухаживал за ним: «И слыша Иосиф матерно пострижение, воздаде славу Богу, взя же и отца своего к себе в келию и облече во святыи иноческий образ, и нарече ему имя Иоанникие, и во всем нужу его подымая и кормя своими руками: бяше бо он в велицей немощи, во ослаблении руками и ногами. Иосиф же во всем вся бысть ему старец и учитель, и слуга и подпора; и от уныния утешая, чтяше божественная писания. Отец же, видя своего сына тако о нем боляща и тужаяся, слезами себе облиаше и глаголаше: “Что ти въздам, чадо? Бог тебе воздаст мзду ради трудов твоих: не аз тебе отец, но мне отец ты еси и в телесных и духовных”. И бе видети Божии любви исполнение: сын тужаяся, а отец слезами и молитвою спомогаю. И тако поживе лет 15 отцу служаше, и старцева слова не преступаа во всем»¹².

Савва приводит и другое свидетельство о доброте своего героя: «И некогда в глубокий вечер ходя по келиям тайне, и где слыша по павечерне беседующа братию, и ударяя по окну, назнаменуя приход свой, и паки отхождаше. И тако ему ходящу, зрит человека крадуща жито ... И прииде молком. И той человек узре его, и хотя бежати. Иосиф же, помаваа рукою, веля ему без всякаго страха быти, и насыпа сосуд его и подня на плещи ему, и заповеда некому таково быти: “И в чем ти, — рече, — недостаток, повежь ми, аз ти исполню”. Также заповеда ему никому сего поведати. И по мнозе времени человек той, не мога терпети, поведа сна многим»¹³.

Известно также, что преподобный радел о детях, брошенных родителями в годы голода. Возможно, впервые в истории Русской церкви именно при Волоколамском монастыре был устроен, как утверждает в анонимном Житии, дом призрения, в котором находились на воспитании и обучении до 50 сирот («дом сим особь созда и таинмая сна чада, яже не породи, питаше милосердною утровою и печашеся о них, акы сна породн»¹⁴). Вероятно, под этим «домом» надо подразумевать основанную игуменом в деревне Спирово небольшую Введенскую «Богорадскую» обитель, состоявшую полностью на иждивении Иосифова монастыря [Зверинский, с. 177 (№ 2088)]. Но больше известно о том, что, помимо заботы о детях, в обязанности богорадских насельников входило еще и погребально-поминальное попечение о внезапно — по несчастью или насильственно — умерших людях. Об этой деятельности сохранил сведения Волоколамский рукописный обиходник XVI в. (РГБ. Волоколамское собрание. № 681 [Иосиф, иером., с. 315]): «Есть же и другий монастырь вдалеке два поприща от великого монастыря, в нем же есть храм пречистые Богородица честнаго и славнаго Ея Введение, а поставление преподобнаго старца Иосифа. Глаголют нецини, яко отчина быше родители его. И тамо игумен и братия преже было 12... Ныне ж о Спиридонове (так. — В. К.) монастыри вкратце речем, поне ж нигде ж писано есть о нем, како церкви Божией и служителем ея впредь состоятися и препитати ея. И сего ради благорассудный отец наш, богомудрый начальник, по Боже, нашему спасению, преподобный отец Иосиф и тамо устроил не туне церкви Божией стояти, но Бога молити о здравии, и о спасении всего мира, и о отшедших душах, иже в благочестии скончавшихся. И повеле от большого монастыря давати потребная, сиречь оброк: хлеб, рожь, ярь, и ячмень, и соль... А у того монастыря близ от церкви поставлен молитвенный храм, в нем ископана есть глубокая могила, иж нарицают дом Божий. В нем же полагают, по благословению настоятеля болшего монастыря и соборных старцов, преставльшихся раб своих, всех православных крестьян, иж нужными всякими смертями скончавшихся: от глада и губительства, огня и меча, и межусобная брани, ил(и), рече, от разбоя, и от татывы, и от потпопа, и Божиим гневом мором умерших, и в воде утопающих. И где ни будет на пути, и на лесу, и на пустых местех повержена телеса усопших, и кто обрящет и пришед возвестит игумену и старцом, и игумен и старцы прикажут строителю богорадному: повелит взяти Бога ради тело умершаго и положит и в Божей дом. И спиrowsкому (так. — В. К.) игумену,

¹² Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким / Подгот. К. И. Невоструев // ЧОЛДП. М., 1865. С. АІ–ВІ (отдельная пагинация).

¹³ Там же. С. Л.

¹⁴ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. С. РЛД–РЛЄ.

над ним отпев обычные молитвы погребальные, положить в той ж молитвы храм, и в книги писати Бога ради, конх имена ведома, а безимянных полагаги по тому ж Бога ради. И в субботу Вселенскую и в другую — мясопустную и в седмый четверток по Пасце — сия всяк год понахиды пети и обедни служити по всех православных христианех, иж тамо в Божием доме лежащих, и октенья говорити по списку и по указу, как написано тамо и дано игумену Спировскому Герасиму и по нем, кто игумен будет»¹⁵.

Видимо, этот погребально-поминальный аспект иноческого служения, как и призрение сирот, был весьма редок в эпоху Иосифа. Во всяком случае, более ранние аналогичные факты выявлены пока что применительно только к деятельности преподобного Пафнутия Боровского [Макарий (Булгаков), кн. 4, ч. 2, с. 144], как известно, духовного наставника волоколамского игумена. Что же касается позднейшего времени, то церковная благотворительность в Московском государстве была опять-таки связана, прежде всего, с иосифлянским типом организации монастырской жизни [Алексеев, с. 160–161].

Итак, глубоко осмысленное исповедание того, что человек должен делать для человека, духовная рачительность о грешных и заступническая помощь слабым — вот те принципы жизни во Христе, которых вполне целенаправленно держался святой Иосиф, как будто бы к нему лично были обращены слова Спасителя: «*Пойдите, научите все народы!*» (Мф 28: 19), или «*Возлюби ближнего твоего, как самого себя!*» (Мк 12: 31), или «*Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд*» (Лк 6: 36). Этим принципам знаменитый игумен следовал непосредственно сам, на них основана была деятельность его монастыря, им он неустанно учил своих духовных чад. И наиболее ярким подтверждением данному положению, бесспорно, является почти не привлечший внимание исследователей фрагмент¹⁶ из самого популярного сочинения Иосифа — «Книги на еретики», названной позднейшими русскими книжниками «Просветителем», а именно из слова 7-го.

После весьма пространного рассуждения о необходимости и характере почитательного отношения к иконам, кресту, Евангелию, церковным таинствам и тайнодействиям, утвари и храмам, ангельским чинам, святым угодникам Божиим и их нетленным останкам преподобный переходит к изложению норм взаимоотношений в христианском обществе и затем к характеристике истинного служения Богу. В этом завершающем 7-е слово разделе говорится о внутренних и внешних свойствах настоящего христианина, о его должных устремлениях и духовной настроенности, о его отношении к своей вере, к жизни и к людям, о его надлежащем поведении и поступках. Предписания этого своеобразного кодекса идеального человека, будучи выстроены в длинный ряд ритмически организованных императивов и являясь текстуально независимыми как плод собственного дискурса Иосифа, не основанного на сочинениях других христианских авторов, по верному наблюдению митрополита Макария (Булгакова), афористичны, изложены «ясно, с глубоким чувством и силою», представляют собой один из лучших разделов всей книги [Макарий (Булгаков), кн. 4, ч. 1, с. 315]. И, как следовало ожидать, некоторые из них четко — и, в самом деле, весьма экспрессивно и колоритно — выражают авторское понимание прикладной сути христианской антропологии и социологии¹⁷:

**«...И буди праведен, истинен, целомудр, мужествен;
печальным утешитель, нищим кормитель,
странным приемник, поборник обидимым;
умилен к Богу и человеком приветлив,
терпелив в напастьех, недосадитель;
щедр, милостив...
Наказуй бесчинныя, утешай малодушныя,
служи болящим, странноприемствуи,
братолюбню прилежи;
с присными веры имей мир,
еретика человека отвращай!»**

¹⁵ Этот текст впервые частично приведен в книге А. И. Алексеева [Алексеев, с. 159–160]. Однако, к сожалению, исследователь в некоторых местах цитирует его неточно. Поэтому здесь означенное свидетельство воспроизводится непосредственно по вышеуказанной рукописи (Л. 99 об. — 103). См. Свято-Троицкая Сергиева лавра: официальный сайт. Интернет-издание. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/sobranie-rukopisnykh-knig-iosifovolotskogo-monastyrja/236?num=107> (дата обращения: 09.08.2015).

¹⁶ Несмотря на множество работ о литературном наследии преподобного Иосифа Волоцкого, этот фрагмент был лишь однажды пересказан [Казанский, с. 85–92] и лишь однажды получил краткую оценочную характеристику [Макарий (Булгаков), кн. 4, ч. 1, с. 315].

¹⁷ Привожу их в соответствии с современной пунктуацией и с моей разбивкой на строчки, демонстрирующей ритмическую природу означенного раздела.

Потребне зри, потребне глаголи;
въпрошаем отвецай, не въпрошаем безмольствуй,
яко да не от дерзостна сердца потыкаем
язык твой уязвит кого,
но да предисходит слово утешения
прочих твоих словес,
утверждаа тебе искреняго любовь!
Да будетъ беседование твое в светле лице,
да дастъ веселне беседующему тебе!
Беседуй нищему, да не оскорбиши его!
“Обесчестеваяй бо ницаго
раздражаетъ сътворшаго и”, рече притча.
Всякому, созданному по образу Божию,
главы своя поклони не стыдися!
Старейшаго деньми почитати не ленися
и покони старость его потщися!
Сверстники своа мирно сретай,
меньших себе с любовию принимай,
пред честнейшими себе не ленися стоати,
алчнаго накорми, жаднаго напои,
якоже Сам Господь повеле;
нагаго одежди, странна введи,
волнаго посети, к темници дойди
и виждь беду их!
И аще что требують, подаждь им,
и поскорби, и воздохни, и прослезися с ними,
и помяни, яко мнози от них
единого ради греха злостражуютъ!...
Праздники Божия и святыхъ Его почитай,
не сам упивайся, но алчныа накормляя
и жадныа напоая!
Знаем сътвори дом свой не богатым и славным,
но убогим и нищим, и сиротам, и вдовицам,
и не имущим где главы подклонити!...»¹⁸.

В свое время еще протоиерей Георгий Флоровский очень точно, как представляется, отозвался о монашеской практике преподобного Иосифа Волоцкого, признав ее «молитвенным делом», подчиненным, наряду с упованием на собственное спасение, именно и преимущественно «социальному служению, деланию справедливости и милосердия» [Флоровский, с. 18]. Как можно видеть, данное мнение полностью согласуется с приведенными выше примерами из агиографии и сочинений святого. Таким образом, уничижительные оценки этого выдающегося пастыря и подвижника Русской церкви, с кем бы из его современников его жизнь и труды ни сравнивались, должны быть признаны несправедливыми в силу их несоответствия имеющимся литературно-историческим источникам. Уместно также отметить и оторванность подобных мнений от реального исторического контекста довольно острых — на почве борьбы за интересы — церковно-государственных отношений в поземельно-имущественной, духовной и политической сферах жизни русского общества в конце XV — начале XVI в. Впрочем, последняя тема требует монографического формата (см., например: [Лурье, 1960; Зимин; Скрынников; Фроянов; Алексеев]).

Литература

- Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002.
- Басова М. В., Шевченко Э. В. Иосиф (Санин), прп. // ПЭ. М., 2010. Т. XXV: Иоанна Деяния — Иосиф. С. 559—585.
- Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М., 1997 (Русская идея. Основные проблемы русской

¹⁸ Просветитель, или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Изд. 3-е. Казань, 1896. С. ТКВ, ТЛГ, ТКЕ—ТЛС, ТКЗ.

мысли XIX века и начала XX века).

Винокуров Д. А. Иосиф Волоцкий в церковно-исторической науке XIX – начала XXI века: Основные историографические тенденции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 47–51.

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. СПб., 1897. Т. III: Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

Иосиф Волоцкий // СККДР. СПб., 2012. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 3: Библиографические дополнения. Приложение. С. 208–214.

Иосиф, иером. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882.

[*Казанский П. С.*] Преподобный Иосиф Волоцкий. М., 1847.

Кириллин В. М. «Отвещание любозагорным» преп. Иосифа Волоцкого: Размышление в лицах об иноческом подвиге как авторская самохарактеристика // Кириллин В. М. Очерки о литературе Древней Руси: Материалы для истории русской патрологии и агиографии. Сергиев Посад, 2012. С. 167–178.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960.

Лурье Я. С. Иосиф Волоцкий // СККДР. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1: А – К. С. 434–439.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 2.

Скрынников Р. Г. Государство и Церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники Русской Церкви. Новосибирск, 1991.

Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Киев, 1991.

Фроянов И. Я. Драма русской истории: На путях к Опричнине. М., 2007.